

АЛЕКСАНДРА БАЖЕНОВА

“...ЗА ПАЗУХОЙ У ОТЧЕСКОГО КРАЯ”

(К портрету Геннадия Ступина)

Один из лучших русских поэтов своего, послевоенного, поколения Геннадий Леонтьевич Ступин родился в тяжёлое для страны и народа время – 12 октября 1941 года в городе Аткарске Саратовской области. В автобиографии, опубликованной в журнале “Наш современник”, Г. Ступин пишет: “Живуч, двужилен и цепок наш род. Вот даже я, подпорченный ещё в материнской утробе по нежеланию матери рожать меня ввиду расхолившейся и не сулящей ничего хорошего – в октябре 1941 года – войны. Родился наперекор всем средствам и способам, чуть не умер сразу, спасли врачи отцовской кровью, всеми болезнями переболел в детстве, не говоря уж о голоде и холоде, потом бегун-прыгун был, волейболист-баскетболист, ходок-ездок на велосипеде, рыбак и бродяга заядлый, закаливавшийся круглый год во всяких водоёмах и обливанием на всяком морозе ледяной водой (чем крепче мороз, тем легче обливаться, самая ледяная вода на морозе кажется чуть ли не тёплой), не пивший – не куривший до 19 лет, а с тридцати и чуть ли не до пятидесяти работавший кочегаром, грузчиком в аэропорту Внуково, спивавшийся и чуть было совсем не спившийся, бывавший и в вытрезвителях, и в камерах “суточников”, и в дурдоме, и под поездом, едва ушедший от тюрьмы и белой горячки, от смерти в том или ином виде и – оставшийся-таки живой, на удивление знакомым и родным, знавшим мою “одиссею”, бросивший пить и курить, “завязавший” наглухо, ставший сносным мужем и отцом, и даже дедушкой, в конце концов, и в работе своей достигший определённых успехов и призвания...”

Детство Ступин провёл среди степей и полей, на песчаных берегах рек Медведицы и Аткары. Окончив в 1958 году аткарскую среднюю школу № 3, отправился в Москву. Вначале устроился в посёлке Сходня Химкинского района Московской области, где в 1961 году окончил Московский заготовительный техникум Центросоюза по специальности охотовед-зверовод. 1961–1964 годы служил в армии (ГДР – Северный Урал). Вернувшись, работал в Твери, Подмосковье и Москве. С 1966-го живёт в Наро-Фоминске Московской области. Стихи Геннадий Леонтьевич начал писать с 12 лет, публиковаться с 1980-го, принят в Союз писателей в 1987 году, в 1991–1993 учился на Высших литературных курсах Литературного института.

Неустроенность и удалённость от родных мест, оторванность человека вообще от питающих его дух корней предков, размышления о родине и народе стали основными мотивами стихов Ступина и его биографического эссе “Горячая земля”. С пронзительной прямотой поэт выразил ностальгию русской души, утончённой печалью, осевшей “на чужой сторонuşке”. Километрально,

чисто технически для скоростей XXI века расстояние меж Московской и Саратовской областями прямо-таки пустяковое. Но мистически – этот барьер в несколько поколений новых, других, появившихся на его родине людей незнаемых. Эта пропасть лет глубиной более чем в полвека трудно преодолима. Не без грустной ноты и живой горечи Геннадий Леонтьевич в своих произведениях мечтает о родине и мысленно обращается к ней (“Бросить всё, уехать в даль степную, // Где ни стен кирпичных, ни углов, // Где играет ветер песнь родную // На просторе – без конца и слов...”; “... Молча плача по родной земле”; “Как за пазухой у отческого края, // что вовек бы никому меня не выдал, // так и жить бы мне, беды его не зная...”; “Глаза закрою – поезд стучит... // как будто среди степи, // один на песочке речном в ночи // я сплю...”; “И веет сладкий воздух родины моей”; “А я глядел в далёкие, родные // Моей земли прекрасные глаза”; “Снилось мне, что я на родину вернулся...”; “В степь уйду, в своё родимое пространство, // Где гуляет даже ветер вольный – тихо...”; “Родимый край степной...”; “Очи, степные огни и звёзды... // Давнее, дальше родины милой...”; “Весь край родной мой, весь мой мир природный // Не дал мне забыть вечным сном” и др.). Но узнает ли степная земля в нём родного сына? Нужен ли он кому-то на отчей земле?!

“Ослеплённый с рожденья безответной любовью” к родным степям Поволжья, Геннадий Ступин самые сильные, искренние строки написал именно о “малой” родине. Многие стихотворения созданы в тоне бесхитростного, почти “прозаического” рассказа. Ясность и доступность поэтической мысли обеспечена всем золотым запасом его нелёгкого жизненного опыта, серьёзного переживания, колоссальной работой самоуглублённой души.

В “Земле родимой” мальчик, в горький для себя час, засыпает на “неприметном пригорке”, а пробуждается сыном этой земли:

*Полон железной неведомой силой,
Шёл я и видел впотьмах...
Много с тех пор ко мне бед приходило —
Все рассыпались в прах.*

Такова сила, дарованная человеку родной землёй-матерью.

В стихотворении 1986 года “Глядя в зеркало”, Геннадий Ступин, с известной долей самоиронии, рисует автопортрет (не только внешний):

*Чёрен душой, как дырой,
Выкручен, вывихнут телом.
Но и бываю порой
Там, высоко, за пределом.
Там мои чувства чисты,
Там мои думы высоки...
Но и труба высоты
Вытянула все соки.
Сделала струны из жил.
Может быть, жителем рая
Так бы на небе и жил,
Если б не тяга земная...*

Геннадий Ступин ощущал “...жизненно важные духовные и физические связи с землёй, природой, родиной, ...которым цены не знают, не могут знать”. Он писал в эссе “Горячая земля”: “Покинув родину, город Аткарск Саратовской области, сразу после школы, я всю жизнь потом вспоминал её, думал о ней и невольно сравнивал её со всеми другими местами, где бывал, и себя – с людьми этих других мест... И всегда выходило так, что лучше моей степи с островками леса нет ничего и нигде, и люди других мест, если не хуже меня и моих земляков, то всё же обделены чем-то от природы, от земли и климата. Я понимал это как свою пристрастность, следствие любви естественной к месту рождения, к лучшей поре детства и отрочества, вообще к прошедшему. Это так, конечно, и было...”

Но с возрастом боль разлуки делалась привычной, успокаивалась, становилась очевидной её неизбежность, даже необходимость, душа смирялась и любила и другие места за что-нибудь, присущее только им. Но уже разум сам

отмечал и запоминал всевозможные, иногда вроде бы и несущественные различия. По размышлении, я понимал нечто очень важное, а некоторые факты прямо являлись и подтверждали мою пристрастную идею особенности, особых достоинств моего родимого края. И теперь я совершенно спокойно, убеждённо знаю, что да, действительно, мне посчастливилось родиться и расти в удивительно единственном в своем роде месте Земли, давшем мне особое, нежное и чувствительное, но крепкое и выносливое здоровье, необъяснимую жизненную силу, двойную жилу и многие другие физические и духовные качества, о которых применительно к себе говорить просто нельзя, нескромно, хотя речь отнюдь не о личных заслугах, а только о природных, врождённых дарах, именно полученных мною — и многими моими земляками — даром, с рождением именно в этом, а не в каком-либо ином месте Земли”.

Геннадий Ступин выступил в печати сразу как поэт вполне сформировавшийся, зрелый, так как, пробуя писать с 12–13 лет, публиковаться начал почти в 40. Именно в силу этой накопленности опыта, как жизненного, так и поэтического, он в последующие годы явился перед читающей Россией сразу во весь рост. Появились серьёзные подборки стихов и поэмы в альманахах “Истоки”, “Поэзия”, “День поэзии”, сборниках “Молодые поэты Москвы”, “На тебя и меня остаётся Россия” и др., в журналах “Новый мир”, “Октябрь”, “Наш современник”, “Журнал поэтов” (Брюссель), “Молодая гвардия”, “Москва”, в “Литературной газете”, “Дне”, “Дне литературы”, “Московском литературере”... Он стал лауреатом премии газеты “День” (1991), журнала “Наш современник” (1991), выпустил книги “Тени тихие по полю...”, “Ясная моя судьба”, “Красные цветы”. Десятки отзывов о Геннадии Ступине вышли на газетно-журнальных страницах: о нём писали В. Курбатов, Л. Баранова-Гонченко, В. Карпец, Н. Дорошенко, В. Куницын, Вл. Славецкий, Т. Глушкова, Ст. Куняев, А. Жигулин и др. Кажется, Геннадий Ступин оправдал своё собственное предсказание для провинциального таланта: “признан столицей станет самородком чистейших степных чернозёмных кровей”.

Стихи Ступина последнего десятилетия полны отчаяния, страдания, исполнены поистине вселенского надрыва. Это время — “окаянные дни” разрушения страны, когда народ, смысл жизни которого в созидании и духовном единстве, в большинстве оказался не у дел (нельзя же назвать делом “работу” “челноков” или рэкетиров...).

*От горя и гнева я вижу в ночи,
Я вижу Россию от края до края.
Я слышу, как горько Россия молчит,
Всех верных своих сыновей вспоминая.
Настали опять её чёрные дни.
Бесчинствуют в доме иуды и воры.
И друг перед другом ярятся они,
И нету дубинки для бешеной своры...
Все тёмные силы сорвались с цепи
И рвут на куски тебя, топчут и лают...
О добрый народ мой, терпи не терпи —
Они доброты твоей не понимают.
Они не отпрянут, пока не убьют.
Не будет ни хлеба тебе и ни кровли.
А будет бесстыдный невиданный блуд
На горе твоём, на слезах и на крови.
И что не давалось ударам мечей
И палу огней никаких супостатов,
Берут они нынче лишь ложью речей
И гладкой личиною демократов...*

Очень точно, словно перемещаясь мистическим зрением то в землю врага, то, возвращаясь на своё, поросшее бурьяном поле русской жизни, Ступин отразил разрушение России в стихотворении “За зелёной и мгlistой моею землёй...”. Человек, работающий на своей земле (борющийся с вечным бурьяном), когда поднимает голову и отрывается от дела, — видит край неба над другой землёй:

*...Оттуда летит вместо птиц саранча,
Ненасытна, бессчетна, черна.
И садится и жрёт всё подряд, стрекоча,
И никак не нажрётся она.
А откуда не люди, а змеи ползут,
Завораживая, цепеня.
Эти сердце, и разум, и плоть мою пьют,
Проникая невидно в меня...*

Лирический герой Ступина – русский человек – в бессилии от ужаса нашествия опускает руки и ищет, чем бы отбиться, чем защитить себя, но в руки влагается лишь “родимый бессмертный бурьян”. Защититься нечем... Конечно, поэт предчувствует и верит, что наше бесконечное стояние среди “родного бурьяна”, наше терпение дадут свои результаты: справедливый Суд Божий настигнет врагов; страна залечит кровавые раны, – “...Но – годы, годы пролетят, // но – поколенья канут”.

*Копая землю под картошку,
А чуются окоп, могила.
И солнышко не понарошку
Печёт. И закипает сила
В моём усталом старом теле —
Прадедовская, земляная.
И смотрят вековые ели,
Мою работу понимая.
А где-то радио картавит,
Там, где московские участки.
Иуда бал в столице правит —
К нему никак мы не причастны.
Он и в газетах, и в эфире,
В Кремле, как было уж когда-то.
А нам опять остались в мире
Суглинок тощій да лопата.
Да лишь прадедовская сила,
Да эта правда вековая:
Балы — в столицах, а могила —
В земле. И ныне эта глина —
Окоп. И бьёт не уставая
Моя лопата штыковая.*

Поэт необыкновенно искренне выразил во многих стихах душевное состояние потерянности людей, часто оторванных от корней и рода, от родных мест, разбросанных по стране (“Без слёз по брошенной рыдая жизни...”), не уверенных более в вечности и нужности существования на земле (есть расхожая политическая формула этого явления: неуверенность в завтрашнем дне) их, теряющих нить смысла жизни. Ступину читатель прощает встречающуюся иногда в стихах брань (“иуды”, “иуды и воры”, “гориллы”, “вороны”), читатель понимает: душа болит, душа не терпит. Зато и благодарен читатель за поэтические прозрения и благородные устремления: не выделяясь из народа, разделить с ним его судьбу.

Как ни парадоксально, единство русского народа Ступин увидел в единстве предков (смотрите, например, глубоко характерное для него, почти программное стихотворение “В рассудовском лесу” и др.). И над этим стоит задуматься! Страдая от одиночества, разобщённости, разъединения родных душ вражеским тесным окружением каждого в отдельности (“В родимом, горько замершем краю // опять один пред жизнью или смертью, // сжав кулаки, в кольце врагов стою...”), мы совсем забыли о том, что предки нас всех объединяют.

*На русских кладбищах могилы не найдёшь,
И ворон молчаливый не подскажет,*

*Пока по стольким предкам не пройдёшь...
 И всяк тебе костьми под ноги ляжет...
 На русских кладбищах ни хода, ни рядов —
 Хаос оград, годов неразбериха.
 Как будто все колена всех родов
 Смешало здесь неведомое лихо...
 Везде, всю жизнь по русским кладбищам идёшь!
 Не оттого ль твоя падуча сила?
 На них одной могилы не найдёшь,
 Но тьмы и тьмы — словно одна могила.
 У нас веки ничего не разберёшь!
 У нас и плач и песня — голосные.
 На русских кладбищах могилы не найдёшь
 Одной, родной — и будто все родные...*

Поэзия Ступина 1990-х годов и начала XXI века насыщена образами и лексикой запредельности существования человека, уступающего временам. Здесь — смерть; могилы; кладбища; смертный холод; тоска; видения с того света; горе и гнев; молчание; немота; одиночество; воскрешение; вставание; сон; бессонница; взывания: “Проснись!”, “Очнись!”, “...Надобно проснуться”. В тяжелейшее для России время испытаний герой Ступина — сумрачный, молчаливый, одинокий, добрый русский человек — переживает смертные муки, умирает, умирает-воскресает, как в жутких (по реалистичности картин смерти) стихах “Смерть грузчика”, “Восстание из праха”. В стихотворениях “В рассудовском лесу”, “Не видно за быстрыми днями...”, “И в бездне ночи паденья сердца...”, “Ночью тихо дождь шуршал...”, “Московская ночь”, “Опять один, в дыму, среди развалин...” изображён полуразрушенный, болящий человек; молчащий, безмолвно страдающий. Это истинное безмерное страдание. Геннадий Ступин изображает леденящие душу картины смерти. Его дар — тяжкий крест, умение увидеть внутренним взором, прочувствовать, выстрадать (вместе со всем народом) и тонко передать муки страны 1990-х годов, “забывшейся, тише воды, разметавшейся, еле живой...”. Поэт вполне осознаёт свой необычный, свой сумрачный — под стать временам — дар запредельного видения (как, например, в уже приведённом стихотворном автопортрете “Глядя в зеркало” и др.).

В стихотворении “Смерть грузчика” гибнет богатырь русской земли, за смену переворочавший 60 тонн груза, — иначе как же его назовёшь?! Но никто не узнает в нём страдальца, загнанного в угол (получающего 35 рублей за 12 часов титанической работы) “новорусской” жизнью. Жуткá картина смерти, но ещё более жутка картина равнодушия живых. Иные качали головами, иные ржаво скрипели: “пить надо меньше”. Стихи “Смерть грузчика”, “Восстание из праха” — это страшные картины разрушения *здоровой жизненной силы* в России. По Геннадию Ступину, — враги “безумной искушаются страстью” убить русского человека на его родине, в его доме... без объявления войны. Стоит задуматься об отчаянии поэта: жизненная сила солнечной отчизны, которую он воспел в блестящем эссе “Горячая земля” и многих стихах, лежит поверженная в пыли, грязи дорожной, полумёртвая или угасшая, затоптанная, опущенная на дно бутылки, измотанная пьянкой. Живущий в России уже давно не “за пазухой у отческого края”, он не защищён здесь никакими “правами человека”.

Необыкновенно самобытный поэт Геннадий Леонтьевич Ступин — прямой, добрый и предельно честный человек, без отдыха везёт “тяжкий мысленный воз” (Клюев). Праздничная передышка бывает редко, остальное время — бдение поэта, тяжкий труд в стараниях изобразить безмолвные страдания народа, боль разрушаемой России, “подлые” времена.

Для его поэзии характерна многоплановость поэтической мысли, когда порой из реального простого эпизода (нахождения в дороге, созерцания, встречи, сна и проч.) подсознание выходит на мистический бытийный уровень. Ступин смело вводит в стих яркие и глубокие метафоры, собственные неологизмы, необычные параллели. Поэтическая лексика его богата и разнообразна. Её отличает частое обращение к глубоко духовным наработкам древнерусского, старославянского языков, порой полузабытым, но глубина и си-

ла которых неоспорима. Например, позабытое слово “очес” от “очи”; “вперяться” — устремляться умом, душою; “выть” — участок земли в несколько дворов (домов); “стогны” — широкие улицы, площади. А такие формы слова, как старославянское “град” вместо русского “город” выглядят в поэзии особенно величественными. Но ещё более умело Геннадий Леонтьевич обращается с современными, наиболее яркими и точными словами и выражениями русского языка. Поэтому схоластика богословских формул, стёртая затасканная лексика христианства, к которой невольно приходится прибегать всем поэтам, так или иначе затрагивающим христианские темы, у Геннадия Ступина не доминирует.

*На Крещенье не сияют звёзды —
Ночь, как туча чёрная, слепая.
На Крещенье дождичек, как слёзы,
Моросит на грязные снега...
Это плачет небо над Россией,
Это сбился вечный ход времён.
Самый воздух русский обессилел,
Мраком окружён со всех сторон.
Мрак стоит кругом сплошной стеною,
Во все стороны мне засты вид.
Лишь мерцает смутно надо мною,
Словно это сам Господь глядит...
Горем или гневом очи режет,
И душа сжимается в кулак...
Лишь земля родная крепко держит,
И всё крепче обнимает мрак.
На Крещенье, ночью нелюдимой,
Ель от лютой стужи не трещит —
Замер край мой, дождичком кропимый,
Словно сам Господь его крестит...*

Его обращения к Богу, к вечности написаны живыми пульсирующими словами родного русского языка, и кажутся подчас, в устах поэта, просто новорождёнными. Он как-то необыкновенно умеет обновлять своим поэтическим и мысленным жаром “обычные” слова и духовно окрылять их. Воистину, верно говорят, что поэзия — это лучшие слова в лучшем порядке.

Саратов